

вносящий мир в жизнь тех, кто с ним сталкивается. Он воскрешает Домну и его отца, проявившего необычайную силу любви к сыну; он вносит покой в семью Мирона, примиряет распутную женщину со своим сыном, отказывается от преподнесенных ему даров и просит раздать их нищим (21-е клеймо). Иоанн наставляет людей и воспитывает их своим примером. Сила любви к людям и мудрость Иоанна таковы, что написанные им для жителей Патмоса книги уподобляются живительной влаге.

Люди платят Иоанну безграничным уважением. Художник раскрывает это в ряде клейм, но с особенной силой — в 20-м. Его содержание таково. Дочь Мирона, узнав от отца об Иоанне, решила обратиться к нему с просьбой. Придя в дом отца, она припала к ногам Иоанна (сцена справа) и только после этого поклонилась родителям.

Трактовка образа Иоанна связывает рассматриваемое произведение с искусством Москвы XV в. и преемственно с искусством Андрея Рублева. Жизнеутверждающий характер повествования и известная светскость редакции Жития сближают этот памятник с рядом произведений московской живописи последней четверти XV в. и в первую очередь с «Апокалипсисом» из Успенского собора, также явившимся откликом на споры о «конце мира». Если эта тема в «Апокалипсисе» «претворена в апофеоз живой жизни в похвалу энергии человека, желанного блаженства и счастья»,⁶⁴ то «Хождение» дмитровской иконы стало прославлением доброты и мудрости, отданной в служение людям.

Любопытно, что сцена написания «Апокалипсиса», послужившая, вероятно, одним из поводов к созданию столь значительного произведения, отсутствует. Предшествующие ей сцены моления в пещере тракуются как один из эпизодов жизни Иоанна, важный, но не определяющий всю его деятельность.

Понимание образа говорит о широте взглядов того круга, в котором была создана икона из Борисоглебского монастыря, и соответствует процессу нарастания светских элементов в русской культуре последней четверти XV в. Элементы светскости, ощутимые в творчестве Дионисия, наблюдаются в «Апокалипсисе», в миниатюрах Радзивилловской летописи и миниатюрах упомянутого выше Троицкого месяцеслова из «Книги Иоанна Дамаскина». В конце XV в. создается произведение чисто светского характера — шитая пелена Елены Волошанки, изображающая торжественную процессию во главе с великим князем и митрополитом.⁶⁵ Рост светского начала нашел отражение и в литературе.⁶⁶

Вряде последних исследований этот процесс объясняется влиянием еретического движения. Эта мысль последовательно проводится М. В. Алпатовым в работе, посвященной «Апокалипсису», и с еще большей определенностью сформулирована в одной из его статей.⁶⁷ О. И. Подобедова, правда лишь в форме предположения, связывает характер Радзивилловской летописи с тем, что над ее созданием «трудился книжник московского еретического кружка» и непосредственно Иван Черный.⁶⁸ Такое объяснение

⁶⁴ М. В. Алпатов. Памятник..., стр. 119.

⁶⁵ М. В. Щепкина. Изображение русских исторических лиц в шитье XV в. — Труды Гос. Исторического музея, вып. XII, М., 1954.

⁶⁶ Я. С. Лурье. 1) Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — ТОДРА, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 130—168; 2) О судьбах переводной беллетристики в России и у западных славян в XV—XVI вв. — В кн.: Славянские литературы. Изд. АН СССР, М., 1963, стр. 71—86.

⁶⁷ Die «Apokalypse» des Moskauer Kremls und das antike Erbe in der europäischen Kunst. — Jahrbuch der österreichischen byzantinischen Gesellschaft, XI/XII, 1962/1963, Graz/Köln, S. 212.

⁶⁸ О. И. Подобедова. Миниатюры русских исторических рукописей, стр. 95.